

Дита Свелте

(Dita Svelte) — исследует интригующие переплетения остроумия и моды, в своих исследованиях фокусируется на том, как творческие возможности остроумия проявляются в самом феномене моды и как остроумие может помочь нам понять неизменную притягательность и завораживающее обаяние самой моды.
d.svelte@unsw.edu.au

«И

**ВЫ НАЗЫВАЕТЕ
ЭТО СЮРТУКОМ?»**

**ОСТРОУМИЕ, ЭПИГРАММА
И ВЕСТИМЕНТАРНАЯ ДЕТАЛЬ
В ОБРАЗЕ ИДЕАЛЬНОГО ДЕНДИ
БО БРАММЕЛЛА**

Аннотация

Денди, идеальный «человек моды», остается ключевой и неизменно актуальной фигурой в мужской моде. Я утверждаю, что и денди, и сама мода существуют до сих пор лишь благодаря общему для них притягательному свойству — остроумию, то есть способности создавать парадоксы, вызывающие удивление. В этой статье я на примере Джорджа Бо Браммелла (1778–1840) исследую феномен остроумия в двух его ипостасях: в вербальных эпиграммах и деталях костюма. Эпиграммы денди редко обсуждаются в контексте истории моды: как правило, их рассматривают в отрыве от их влияния на материальную культуру. В книге «Система Моды» Ролан Барт квалифицирует язык модных журналов (состоящий преимущественно из высказываний, которые можно назвать эпиграммами)

Статья впервые
опубликована
в журнале
Fashion Theory:
The Journal
of Dress,
Body & Culture
(2018. Vol. 22.3)

как «редкую и скудную риторику». Я же утверждаю, что знаменитые эпиграммы Браммелла лаконичны и пронизательны. Считается, что главная функция вестиментарной детали — маркировать различия; именно поэтому, по мнению Барта, система моды наносит денди «смертельный удар», тиражируя его постоянные новации. Я же доказываю, что детали костюма денди производят эффект неожиданного озарения. Таким образом, вербальная эпиграмма и элемент костюма могут рассматриваться как репрезентации одного и того же намерения удивить — того самого, что характеризует и остроумие, и моду.

Ключевые слова: денди; Бо Браммелл; остроумие; деталь; Ролан Барт.

Денди и мода

Образ денди появляется ближе к финалу романа Томаса Карлейля «Перекроенный портной» как апокалипсический вестник новой мрачной эпохи, превращающей самолюбование в новую религию. Карлейль описывает денди как «человека, которого ремесло, обязанность и все существование заключается в ношении Одежды» (Carlyle 1987: 207). Наряды — воплощение самой сущности денди, а сам он — новый тип гения, «Поэт Одежды». Этого «человека моды» (если можно так выразиться) ценили и за безупречный вкус в одежде, и за неподражаемое остроумие. Более того, денди остается ключевой фигурой в мужской моде благодаря своей непреходящей актуальности: современные ценители моды знают его не хуже, чем в свое время обитатели Лондона эпохи Регентства. Спустя два столетия денди все еще прочно удерживает позиции в массовом сознании, пережив другие амплуа щеголя, вроде жеманного макарони или грубоватого бака. Он путешествует по разным странам, следуя прихотливыми маршрутами, представая в обличье эстета, революционера или декадента, а иногда даже меняя гендерную и этнокультурную принадлежность. Как верно замечает историк искусства Сьюзан Финн-Йех, полагающая, что понятие «дендизма» выходит далеко за рамки «белой» европейской культуры: «Зачем изучать денди? Хотя бы потому, что он все время является нам в новых ипостасях» (Fillin-Yeh 2001: 3)¹. Сегодня денди — это хорошо узнаваемый маскулинный стиль, который можно обнаружить и в высокой моде, и в вестиментарной эстетике субкультур².

Почему денди все еще жив? В чем секрет его влияния? В этой статье я предлагаю взглянуть на денди и моду сквозь призму остроумия, то есть умения поражать неожиданными наблюдениями и выводами. Оксфордский словарь английского языка определяет остроумие как «удачное сочетание мысли и формы в письменной или устной речи, которая удивляет и восхищает своей неожиданностью» (OED Online 2016b). Я исследую остроумие денди, проявляющееся в словесной (меткие остроты и эпиграммы) и материальной (детали костюма) форме. Примером мне служит первый и совершеннейший денди — Джордж Брайан Браммелл (1778–1840). Браммелл буквально покорило лондонское общество эпохи Регентства, быстро став всеобщим любимцем — Красавчиком Бо. Он не мог похвастаться знатным происхождением и располагал лишь скромным наследством, однако в избытке был наделен молодостью, элегантностью и покоряющим чувством юмора³. Его дружба с не менее страстным поклонником моды принцем Джорджем, завязавшаяся на военной службе, не только открыла ему доступ в высший свет, но и обеспечила членство в самых изысканных и престижных клубах. Прославившись безупречным стилем — от шейных платков до сюртуков, сапог и бриджей — и снискав репутацию мастера язвительных острот, Браммелл на время стал душой лондонского бомонда. Поклонники толпились в его доме на Честерфилд-стрит в Мэйфэре, наблюдая за тем, как Бо церемониально облачается в костюм. Молодые модники специально прогуливались мимо знаменитого эркера в клубе «Уайтс», надеясь удостоиться его внимания. Однако ссора с принцем-регентом, спровоцированная дерзкой репликой Браммелла, которому понадобилась карета: «Уэльс, позвони в колокольчик!» (Jesse 1844: 269)⁴ — привела к тому, что его карточные долги неожиданно перестали прощать. Опасаясь долговой тюрьмы, Браммелл вечером 16 мая 1816 года поужинал холодной дичью с кларетом, облачился в костюм для театра, ненадолго появился в свете, после чего тайно отбыл в Дувр в частном экипаже и переправился через Ла-Манш во Францию. Его оставшееся в Лондоне имущество конфисковали и позднее продали на аукционе Christie's как «Подлинные вещи ЧЕЛОВЕКА МОДЫ, отбывшего на Континент» (Ibid.: 347). Хотя он регулярно принимал посетителей из Англии, а в Кале умудрялся найти способы добывать средства к существованию (например, он недолго даже занимал пост британского консула), умственное и физическое состояние Браммелла неуклонно ухудшалось, и последние проблески его гения угасли в 1840 году. **(Продолжение и иллюстрации см. в печатной версии.)**